

И. А. Гончаров. Лихая болезнь

Оригинал находится [здесь](#).

=====

В декабре 1830 года, когда холера находилась еще в Москве, но уже значительно уменьшилась, из двухсот пятидесяти кур пятьдесят в самом непродолжительном времени лишились жизни.

Ученая брошюра о действиях холеры в Москве, доктора Христиана Лодера; Москва; страница 81.

Читали ли вы, милостивые государи, или по крайней мере слыхали ли о странной болезни, которою некогда были одержимы дети в Германии и Франции и которой нет названия и другого примера в летописях медицины; именно: в них поселялось какое-то непостижимое стремление идти на гору св. Михаила (кажется, в Нормандии).

Тщетно отчаянные родители старались удержать их: малейшее сопротивление их болезненным желанием влекло за собою печальные следствия – жизнь детей медленно угасала. Удивительно? не правда ли? – Не будучи знаком с литературою медицины, не следуя за ее открытиями и успехами, я не могу сказать вам, объяснен ли этот факт или по крайней мере подтверждено ли его вероятие; но зато с своей стороны сообщу свету о подобной же не менее странной и непостижимой эпидемической болезни, губительных действий которой я был очевидным свидетелем и чуть не жертвою. Предлагая наблюдения мои со всевозможною подробностью, я осмеливаюсь предупредить читателя, что они не подвержены никакому сомнению, хотя, к сожалению, не запечатлены верностью взгляда и ученым изложением, свойственным медику.

Прежде нежели опишу этот недуг со всеми его признаками, долгом поставлю уведомить читателя о тех особах, которые имели несчастье испытать его.

Несколько лет назад я познакомился с добрым, милым, образованным семейством Зуровых и проводил у них почти все зимние вечера. Время неприметно текло среди их самих, среди круга их знакомых, наконец, среди тех удовольствий, которые они избрали и допустили в своем доме. Там, правда, не было карт, и напрасно праздный старик или избалованный бездействием, мучимый головою и душевною пустотою юноша стали бы искать денег и развлечения в этом занятии: надежды их никогда не сошлись бы с благородным образом мыслей Зуровых и их гостей; но зато танцы, музыка, а чаще всего чтение, разговоры о литературе и искусствах поглощали зимние вечера.

С каким удовольствием вспоминаю я эту густую толпу друзей, осаждавшую большой круглый стол, перед которым на турецком диване сживала Мария Александровна, добрая хозяйка, и разливала чай, а сам Алексей Петрович ходил обыкновенно с сигарою и чашкою холодного чая вдоль по комнате, по временам останавливался, вмешивался в разговор и опять ходил. Помню и восьмидесятилетнюю бабушку, разбитую параличом, которая, сидя поодаль в укромном уголке на вольтеровских креслах, с любовью обращала тусклый взор на свое потомство, и соленая слеза мирного счастья мучила глаза ее, и без того расположенные к слепоте. Помню, как она поминутно подзывала младшего внука Володю и гладила его по голове, что не всегда нравилось резвому мальчику, и он часто притворялся, будто не слышит ее призыва. Сверх всего этого, бабушка была презамечательная особа во многих отношениях; а потому да позволено будет мне сказать еще несколько слов о ней: она сидела, как было упомянуто выше, постоянно на одном месте и владела только левою рукою: подивитесь же деятельности! умела употребить и единственную свою длань с пользою для общества; следовательно, несмотря на угасшие силы и едва таившуюся искру в ветхом сосуде жизни, занимала почетное звено в цепи существ. Когда утром внуки и внучки, подняв ее с постели, усаживали в кресла, тут она поднимала левою рукою с материнскою заботливостью стору у окна, и Боже сохрани, если б кто другой предупредил ее! Но только ли еще? Ужели умолчу о главной ее способности, которая дорого покупается бедным человечеством, – увечьем на службе или параличом; бабушка купила последним. Дело в том, что она во всякое время предсказывала погоду и служила как бы